

Книга первая

ДА!

Глава I

О ГРАФЕ РИЧАРДЕ И О НОЧНЫХ ОГНЯХ

Я намерен рассказать, как Ричард, граф Пуату, мчался напролет целую душную ночь, чтобы повидаться с Жанной Сен-Поль в последний раз. Это свидание было назначено самой леди; он же ехал в своем самом горячем Нет, не заботясь о том, будет ли то в первый или последний раз — лишь бы только опять ее узреть. Для отпущения якобы грехов своего господина, в сущности же, как он сам думал, чтобы рассчитаться с собственными грешками, ему сопутствовал аббат Мило — если можно назвать спутником человека, который отстает от своего доброго товарища в кромешной тьме ярдов на сто.

Их путь был далек, и лежал он через долину святого Андрея, самую мрачную часть нормандских болот. Путники ехали со скоростью Ричарда — отчаянным галопом; а цель (опять-таки Ричардова), дрожащая точка, ясно мерцала вдалеке. Граф Ричард знал, что эта точка — факел Жанны, и не видел никакой другой искорки; но Мило, которому мало было дела до дамы, скорее обращал внимание на мелькавший порой огонек, озарявший северное небо.

В ту ночь природа не зажигала вовсе своих светильников и ни единым звуком не заявляла о себе — ни криком ночной птицы, ни шорохом испуганного зверя. Не было ни ветра, ни дождя, ни росы — ничего, кроме духоты, мрака и угнетающего зноя. Высоко над песчаным гребнем, где находилось место позорной смерти — Могила

Утопленников,— одинокий факел бросал постоянный свет; и там же, впереди, к северу, на горизонте виднелась полоска трепетавшего пламени.

— Господи, помилуй несчастных! — проговорил граф Ричард, пришпоривая своего коня.

— Господи, помилуй меня грешного! — проговорил запыхавшийся аббат.— Все кишки мои растрясло.

Наконец они прошли каменистый брод, добрались до сосен и поехали вверх по тропинке, залитой светом, струившимся из Темной Башни.

В довершение всего, путники увидели владелицу замка с факелом, который она держала над головой. Они натянули поводья. Она не шевельнулась. Ее лицо было бледно, как луна; ее распущенные волосы отливали светом, словно на них был надет золотой убор. В ночной темноте она ярко выделялась своей белой одеждой и казалась выше ростом, чем была или могла быть на самом деле. То была Жанна Сен-Поль, Жанна Чудный Пояс, как звали ее друзья и возлюбленные. А для нее вот уже около двух лет весь свет заключался в нем одном — в самом румяном, в самом высоком и самом холодном из всех анжуйцев.

Сдержанность встречи влюбленных была любопытнее самого дела: один ехал так долго, другая так долго ждала; а ни один, по-видимому, не спешил к конечной цели своих стремлений!

Граф все еще восседал на своем коне, и смертельно уставший аббат считал своим долгом подражать ему.

Девушка все еще стояла на воротах, высоко держа свой светильник, из которого капала смола.

— Ну, дитя! — воскликнул граф.— Как твои дела?

Его голос дрогнул, дрогнул и он сам. Она взглянула на него, медля с ответом, хотя по руке ее, приложенной к груди, видно было, что эта грудь порывисто то опускалась, то подымалась.

— Видишь там огни? — промолвила Жанна.— Они пылают уже шесть ночей.

Он тоже посмотрел на них сквозь сосновую рощу. Широкими длинными языками стремились вверх по небу огни, то дрожа и замирая, то снова принимаясь дружно, забирая все больше пространства, вскидывая вверх свое пламя, струясь и переливаясь, как огненный поток.

— Король, вероятно, в Лювье,— заметил Ричард, усмехнувшись.— Ну, что ж? Он нам посветит, когда мы будем ложиться спать. Клянусь честью, все это мне надоело! Впусти же меня!

Жанна отошла в сторону, и он молодцевато въехал во двор замка. Проезжая мимо Жанны, он нагнулся и потрепал ее по щеке. Она только быстро вскинула на него глазами и впустила в ворота аббата, который отвесил ей вежливый поклон, ведя лошадь под уздцы. Девушка заперла за ними ворота и задвинула крепкими засовами. Слуги толпой бежали взять коней и прислуживать. Граф Евстахий, брат Жанны, привстал на медвежьей шкуре, на которой спал, вздохнул, зевая, и опустился на колени перед Ричардом; тот поцеловал его. Жанна стояла поодаль, по-видимому, владея собой; но она чувствовала, что за ней наблюдают. В самом деле, в пылу приветствий аббат Мило все-таки нашел возможность во все глаза разглядывать эту гордую красавицу.

Он пристально наблюдал за ней и оставил нам ее портрет в самых подробных чертах со всем тщанием того времени и современных ему нравов. С большим искусством изображает он ее по частям. Так, например, он говорит, что глаза у нее были синие, как ирис, но влажно-серого оттенка, окаймленные черным ободком с желтизной, так что производили, в общем, впечатление ярко-зеленых. Словно выточенный рот ее был необыкновенного темно-алого цвета и очень ровной окраски: «Настоящая земляника самого темного цвета»,— замечает аббат Мило. Верхняя губа вздернулась в недовольную складку: Жанна имела основание быть недовольной вследствие такого рассматривания в микроскоп. Волосы ее такого же цвета, как шелк-сырец; брови расположены довольно высоко над глазами; овал лица изящный; руки и ноги — длинные, нервные, «хорошо служащие свою службу», и т. д.

Все это мало помогает, чтобы составить себе ясное понятие: слишком уж подробно! Но аббат разглядел, что Жанна была очень высока и почти худа, если не считать ее пышной груди,— слишком пышной (говорит он) для Дианы, на которую, впрочем, Жанна была похожа. Она была стройна, как березка; когда она шла, казалось, что юбки ее обвиваются вокруг ее ног. Своей молчаливостью она производила впечатление, как будто бы смотрит не то с удивлением, не то с недоверчивостью. «Лицом уподобляясь Юноне (воскликает аббат), она была сложена, как Геба, а ростом — как Деметра. С большинством людей мрачная, молчаливая, и только с одним обворожительно-живая,

она казалась наблюдающей, а в действительности была лишь робка. Она казалась холодной и вполне пламенела. Я довольно скоро понял, что с ней происходило на самом деле: в ней боролись надежда и сомнение; отсюда ее молчаливость. Я угадал, что под ее наружной корой сдержанности кипит любовь, как вино. Но, благодаря ее гордой, смелой наружности, я не скоро познал ей цену. Прости мне, Господи! Я думал, что она холодна, как лед!»

Мило упоминает также об ее платье, которое замечательно шло к ней. Оно было все белое, с клинообразным вырезом на груди, который был бы чересчур глубок, если бы алый жилетик не закрывал этого V, спасая от соблазна девушку — да и аббата тоже. В ее длинные волосы, разделенные на две косы, были вплетены нитки мелкого жемчуга. Обвивая шею, они соединялись на груди в одну змейку, что еще больше выделяло ее красоту и составляло как бы золотистый ворот платья. Вокруг гладкой шеи лежала маленькая цепочка с каким-то красным драгоценным камнем, а на голове был другой драгоценный камень — карбункул, оправленный в виде цветка; с него падали назад три пера цапли. На Жанне был еще широкий пояс из золота и сапфиров и туфли из беличьего меха. «О, что за красавица была эта статная девушка! — восклицает в заключение почтенный Мило. — Золотистая, нежная, а глаза с поволокой. Ее все знали под именем *Жанна Чудный Пояс*».

Брат ее, Евстахий — так звали его в отличие от старшего брата, Эда — граф Сен-Поль, был живым сколком с сестры, только еще румянее, с более светлыми волосами и с совсем светлыми глазами. По-видимому, он был сердечный юноша и льнул к великому графу Ричарду, как плющ льнет к дереву. Ричард отвечал на его привязанность полупрезрительным дружелюбием, относясь к нему, как к собачке, которую то угостят пинком, то приласкают, на самом же деле ему просто хотелось поскорей от него отделаться. На путешествие не было сделано никакого намека: тут многое как бы разумелось само собой. Евстахий болтал о своих соколах, Ричард пил и ел, Жанна сидела степенно и молча смотрела в огонь. Мило ел за обе щеки и между глотками наблюдал за Жанной. Как только ужин кончился, Ричард вскочил и хлопнул обеими руками по плечам юношу Евстахия.

— Иди спать, спать, мой сокольничий! Уж поздно! — воскликнул он.

Евстахий отодвинул свой стул, встал, поцеловал графу руку, а

сестру — в лоб, поклонился аббату и вышел, напевая какую-то песенку. Мило удалился, слуги тоже откланялись почтительно.

Ричард встал во весь свой молодой исполинский рост и прищурился. — Гнездись, гнездись, моя пташечка! — тихо вымолвил он.

Жанна раскрыла свои алые губки. Медленно встала она со стула у огня, но все ускоряла шаги, подходя к Ричарду; наконец, она бросилась к нему в объятия.

Своей правой рукой он обнял милую, а левой приподнял ее личико за подбородок и, сколько хотел, мог любоваться ей. Чисто по-женски она упрекнула его за эту ласку, которая, в сущности, была ей очень приятна.

— Мой повелитель, как я подам тебе чашу и поднос, когда ты так крепко меня держишь?

— Ты сама — моя чаша. Ты — мой ужин.

— И порядочно тощий, бедный мой! — возразила она, в душе радуясь его шутке.

Потом, в сердечном разговоре, когда Жанна сидела на коленях у Ричарда, она вряд ли вполне ему принадлежала: ее тревожили многие посторонние вопросы. Для него в данную минуту не существовало ни воспоминаний, ни сомнений, и он пробовал нежно успокоить ее. Ее тревожили огни на северном склоне горизонта, на которые Ричард не обращал внимания.

— Дорогая! — говорил он. — Мой отец, король, подступает с войском, чтобы «загнать в постель» (женить) своего сына, графа. Но вот у его сына, у графа, хорошая постель, в которую он сейчас и ляжет. Однако это — не постель короля, его отца. Та, как тебе известно, французского изготовления, а не прочного нормандского или анжуйского; она не побывала в английских туманах. Клянусь святым Маклу[5] и всеми чудесами, которые он совершил! Я был бы плохой нормандец и еще худший анжуец, и совсем не англичанин, если б любил французов!

Он попытался притянуть к себе Жанну, но она отстранилась от него и, облокотившись на свои колени, подперла подбородок рукой. Печально смотрела она на дрова, которые уже начинали белеть по мере того, как пепельный оттенок брал верх над огненно-красным.

— Повелитель мой не любит французов, — заметила Жанна. — Но он любит честных и доблестных людей. Он — сын короля и любит своего

отца.

— Клянусь спасением души, не люблю его! — уверял ее Ричард чистосердечно. Затем он обхватил ее вокруг пояса и заставил всем телом повернуться к нему. Долго осыпал он ее поцелуями и, наконец, заговорил более серьезно:

— Жанна! Всю эту ночь, удушливую ночь, там, в кустарниках, я думал об одном только выражении: «отправляясь к ней, я стремлюсь к лучшему в моей жизни». К лучшему?.. Да, ты для меня — все на свете! Если я еще сохранил свою честь, кому, как не тебе, я этим обязан? Разве мужчина должен непременно обращаться с женщинами, как с собаками? Поиграв с ними от нечего делать, швырнуть им кость под стол, а потом вытолкнуть за дверь? Дитя! Ты лучше знаешь меня. Что? Что? — вскричал он, высоко закинув голову.— Разве мужчина не волен сам выбирать себе жену?

— Нет! — сказала Жанна, которая была готова к ответу.— Нет, пока сам народ будет избирать себе короля.

— Бог избирает королей: по крайней мере, мы так верим.

— Значит, Бог должен указать и жену,— возразила Жанна, пытаясь освободиться от его объятий. Но она знала, что это не удастся ей, и тихо, кротко принялась рассуждать с ним: — Король, отец твой, уж стар, а старики любят настаивать на своем.

— Бог его знает! Он и стар, и горяч, и равнодушно делает всякое зло,— сказал молодой граф и поцеловал Жанну.— Суди сама, милая моя. Нас было четверо — брат Генрих, я, Джеффри и Джон. Он расправлялся с нами по-свойски, сегодня — лаской, завтра — таской, лишь бы заставить нас плясать под свою дудку. Хороший способ, и применялся он опытной рукой. Что же вышло?.. Я расскажу тебе сейчас, какую службу сослужила эта дудка моему господину. Генрих платил лаской за ласку: и это находили прекрасным. Но разве нельзя таской отплатить за таску? Он подумал, что можно: и за это поплатился жизнью... упокой его, Господи! В Генрихе было много сердечной простоты. Мне вовсе не досталось ласки. Но к чему же было получать мне таску? По-моему, для этого не было достаточных причин. Но все-таки я принимал все, что получал. Если я кричал, то потому, что мне попадало более безвинно, чем прочим... Ну, будет обо мне! Джеффри, насколько мне кажется, был негодяй. Пусть ему Бог поможет, если сможет: он тоже на том свете. От отца он принимал ласку, но платил за

нее таской: за то и поплатился. Он был пес нечистой породы: в нем было немало дьявольского. Он сам загрыз себя и умер, огрызаясь. Остается Джон, последний. Мне бы хотелось говорить о нем рассудительно, спокойно. Но это — такой тихоня: ему достается только ласка! Это несправедливо и, с его стороны, нечестно. Ему следовало бы хоть немножко попробовать таски, чтобы мы могли судить, какова его храбрость. Вот тебе, Жанночка, и вся наша жалкая четверка!.. Один из коней выбрался было на гору, да сердце надорвалось. Другой лягал своих сотоварищей по запряжке, шумел, разыгрывал из себя лошадь с норовом — и сломал себе спину. Третий, бедняга Ричард, ходит в хомуте и получает удары бича. А четвертый, милый мальчик Джон, на свободе ворочает шейкой, и его же ласкают, приговаривая: «Так и надо, мальчик, так и надо!» А тут еще красотка Жанна, что шепчет прямо в ухо бедному рабочему коню: «Добрый мой Ричард! Ступай себе в стойло, только не здесь! Устройся с сестрицей короля Франции!» Ха-ха-ха! — засмеялся Ричард. — Что это за речи в устах нареченной невесты?

Он ущипнул ее за щеку и весело взглянул на нее, торжествуя победу своего красноречия. Опасно было вызывать в нем дьявола: Жанна не посмела даже оглянуться на него. Убедительно и медленно она ответила:

— Да, Ричард! Да, мой король! Так уж подобает, чтобы король брал за себя сестру короля, а Жанна пусть себе идет в свой хлев. Орлам не пристало гнездиться с сычами.

В ответ он обхватил ее всю и прижал к своей груди.

— Никогда в жизни! Никогда! — клялся он, подняв голову к небу. — Как верно то, что Бог жив и царствует над нами, так верно, что ты будешь жить и царствовать, о моя королева, о моя роза Пикардии.

В тот вечер она больше не пыталась разубеждать Ричарда: она боялась, что это еще больше обострит его страсть и заставит героя прибегнуть к крутым мерам, лишь бы поставить на своем.

Сторожевые огни в городе Лювье дрожали и рассеивались к северу. В Темной Башне не пришлось зажигать свечей.

На другой день они проснулись с зарей. Ветер развеял сонмы туч. Чистое желтое небо стояло, словно огненное, но холодное море. Наступало начало бабьего лета для едва пробудившегося солнца, для поредевшего тумана, который тянулся над болотом, для росистых, вновь оживленных цветов, для воздушной синевы и для жнецов, в

которых загорались вновь надежды. В то время, как юный граф Евстахий еще сладко похрапывал в своей постели, а Мило был занят своим *Sursum Corda*[\[6\]](#), Ричард взял Жанну за руку:

— Пойдем со мной, моя любовь! Целый божий день у нас впереди и целое пустое королевство для прогулок. Пойдем, роза моя алая. Я посажу тебя в цветы.

Что могла сделать Жанна? Только одно — глубже уйти в свои затаенные думы.

Он повел ее в поле, где цветы давали полный простор песням, и нарвал их побольше, чтобы ими украсить ей голову и грудь. Из колокольчиков, таких же синих, как ее чистые глазки, он делал пучочки. Но осень любит покрывать все желтой краской: и Жанна вся покрылась точно позолотой. На возвышении, словно на троне, сидела она, как он сам посадил ее. Но глаза ее были опущены, а личико пылало в то время, как он поклонялся ей, как кумиру своей мечты. Вряд ли он рассуждал о будущем, но ей все еще чудились дымящиеся огни в Лювье: она знала, что они заставят ее трепетать от ужаса опять целую ночь. Несмотря на это, кротость и терпение, неизменная вежливость и смирение ни на минуту не изменяли ей: они, как светлые ручьи, вырывались из ее души и сливались в одну реку. Ричард воздавал ей восторженное поклонение.

— Королева Жанна! — восклицал он, крепко обвивая ее стан.— Был ли когда в мире человек, благословенный от Господа такой милостью, как я, с тех пор, как Бог сказал: «Се мать твоя!» А ты ведь для меня все равно, что мать, о нареченная моя! Да, ты будешь невестой и королевой!

Это было уж чересчур. Жанна положила ему на голову свою ручку и сказала, как бы жалея его за дикий нрав:

— Ричард мой, Ричард Да и Нет!..

Это прозвище резануло его слух.

— Никогда не называй меня так! — остановил он ее.— Предоставь это Бертрану де Борну[\[7\]](#): дураку и дурацкие слова!

«О, если б я могла! Если б я могла!» — думала Жанна и вздыхала.

На глазах ее выступали слезы при мысли, как она должна охладить его великодушные порывы и расстроить ее собственную славу. Но это все-таки не отклонило ее от дела, которое ей предстояло. А он, полный восторженного возбуждения, принялся петь песню юга: «*Al'entrada del tems clair, eya!*»[\[8\]](#)

В порыве сердечных ласк, когда волосы их сплетались, когда они приникали друг к другу, трудно было найти между ними большие несходства. Ее родной брат Евстахий меньше походил на Жанну по росту, сложению и золотистым волосам, нежели Ричард. Наружность Жанны вы уже знаете, но Ричарда — еще нет. Хотите знать телесные качества этого сына короля и наследника престола?

Коротко сказать, это был высокий молодой человек со свежим и спокойным лицом, с прямым носом, с голубыми глазами, сухощавый, гибкий, проворный. Он был одновременно смел и осторожен, горяч и холоден, как лед,— такое же странное соединение, как эта смесь в нем свойств нормандского пса и анжуйской кошки. Он не подкрадывался исподтишка, но всегда, казалось, был готов к смелому прыжку. Не дикий от природы, он был способен на дикие поступки; не жестокий, он быстро отвечал на оскорбление и не упускал к тому случая. Он был не мошенник и не сумасшедший, но в нем была хитрость первого и отчаянность второго, если только это возможно. Велика была его надменность, но улыбка скрывала ее, больше всего проглядывала она в его полусонном взгляде. Пороков у него было много, слабостей — только две: он слишком полагался на свою силу и презирал всех. Не то чтобы он считал всех подлыми рабами: он просто был уверен, что все люди — дураки. Конечно, большая часть их были дураки, но не все.

На первый взгляд Ричард вызывал восхищение: высокий рост, чудный цвет лица, рыжевато-золотистые волосы, остроконечная бородка, придававшая подбородку кошачье выражение, сжатый рот и холодный сосредоточенный взгляд, гордо поднятая голова и шея, мягкие движения — все в нем напоминало леопарда, но леопарда, когда он охотится. Он каждую минуту был готов ударить врага, но зато готов был и каждую минуту менять свои намерения. Таков был граф Ричард Да и Нет, которого любили все женщины, но очень немногие мужчины: мужчины ищут прежде всего доверия, а уж потом — любви; Ричард же ни одной живой душе не доверялся, считая, что никто не достоин его доверия. Женщины более великодушны: они отдаются, не требуя взаимного доверия.

Так было и с Жанной Сен-Поль, девушкой двадцати двух лет, когда Ричарду было тридцать два. Хорошего происхождения, хорошо сложенная, хорошо воспитанная, она была желанная невеста для всех своих пэров^[9]. Она допустила похитить свое сердце и готовилась

теперь сама заживо вырвать его из груди ради того, кто им завладел: она решила умертвить свою любовь! Жанна была творением его любви: он пересоздал ее тело и душу. Бог дал ей роскошное тело, Ричард придал ему пылкость. Бог создал ее душу прекрасной обителью, любовь Ричарда наполнила ее светом, цветами, всем искусным убором.

Именно он, ее Ричард, научил ее держать себя по-царски — она отлично знала это. Знала она также, что у нее хватит силы воли отказать ему: ведь от него же она набралась смелости отдаться ему всей душой. Слишком молодой бросил ее рок в объятия самого славного из принцев. На этом брат ее, граф Эд, строил воздушные замки, теперь же она их разрушит. Ее младший брат, Евстахий, любит блестящего графа Ричарда; она и ему нанесет удар. А что будет тогда с ней самой? Прости ей, Господи! Об этом, кажется, она совсем не думала. Необходимо было спасти *его* честь. А сторожевые огни на севере напоминали ей, что час настал: старый король пришел со своим войском «загнать сына в постель». Ричард должен идти к нему, а она, Жанна, сама должна просватать своего милого за другую. Он, сын короля, наследник, обязан вернуться к королю-отцу, да и сам Ричард знал, что ему неизбежно придется возвратиться. Еще два дня безумных наслаждений, две ночи горьких страданий и выслушивания жалобной мольбы Жанны, которая даже похудела и побледнела! И это благодаря ему...

Прошлой ночью он сказал ей:

— Когда я в первый раз тебя увидел, моя Царица Снегов, на местах в Везелэ, в ту минуту, когда рыцари мчались во всеобщей схватке^[10], зеленый блеск твоих очей ранил меня, и я воскликнул: «Она — или никто!»

Жанна опустила голову, а он продолжал:

— Когда там венчали тебя королевой, потому что ты держалась так спокойно и величаво, так безмятежно подымала свое ясное лицо; когда твой рукав опустился в мой шлем^[11], а мое сердце пало ниц к ногам твоим; когда рыцари, склонившиеся под моим копьём, были посланы преклонить пред тобой колени — что заставило тогда твое лицо вдруг запылать, а глаза так ярко заблестеть?

Она скрыла от него свое лицо.

— Поклонение рыцарей? Любовь ко мне? — воскликнул он и продолжал: — О Жанна Чудный Пояс! Когда я увел тебя с лугов Жизора, когда научил тебя любить и из твоих юных уст узнал, что такое

любовь,— тогда только я сделался человеком. Теперь ты просишь, чтоб я стал собакой?

И он опять поклялся, что не покинет ее никогда. Страдая всей душой, она все-таки гордо улыбнулась:

— Нет, повелитель мой! Раз проснулся в тебе человек, ты никогда не перестанешь быть им. Ты отправишься туда, потому что ты — сын короля, а я буду молиться о новом короле.

Так она возражала ему, а он судорожно рыдал, прильнув лицом к ее коленям. Она уж не плакала. С сухими глазами целовала она его, с сухими губами пошла спать.

«На этот раз он сказал Да,— поясняет нам аббат Мило.— Но лишь гораздо позднее узнал я, какой ценой ей это досталось».

На другое утро он уехал. Она смотрела ему вслед.

Глава II

О ТОМ, КАК КРАСАВИЦА ЖАННА ПОЖЕРТВОВАЛА СОБОЙ

Для пустяков всегда найдется досуг, а наши мудрецы бросают и нужное дело, когда оно надоест им.

Граф Ричард Пуату, раз уже порешив, еще с вечера исповедался: ему нужно было выехать с зарей, когда петух только что запоет, а до того еще успеть приобщиться Святых Тайн. Он так и сделал, даже прежде, чем утреннее небо приняло серенький предрассветный оттенок. Граф был в латах, в полном вооружении, в своем красноватом плаще из леопардовых шкур, уже опоясанный мечом и при шпорах. В притворе часовни один сквайр^[12] держал его щит, другой — шлем, а конюх прогуливал коня. Священнодействовал аббат Мило, а прислуживал ему гнусавый мальчуган. Граф преклонил колени пред алтарем, освещенным двумя тонкими свечами.

Не успел священник начать службу, как Жанна Сен-Поль, которая не спала всю ночь, прокралась в часовню. На голове у нее было покрывало, держалась она прямо. Войдя, она опустилась на колени, и, вытянув руки в уровень с подбородком, сложила их так, что кончики пальцев указывали на небеса, куда летели и ее помыслы. Так, словно застывшая в молитве, она оставалась во все время совершения таинства, не шелохнувшись даже в ту минуту, когда, при вознесении Святых Даров, Ричард пал ниц на землю. Казалось, и она безмолвно приносит свое собственное сердце в жертву Богу и в знак благоговения.

Граф приобщился Святых Тайн. Он был человек очень религиозный: на всякое дело он отправился бы скорей без меча, чем без благословения Божия. Жанна видела, как спокойно принял он причастие. Она была в возвышенном настроении и стояла неподвижно, как статуи святых, но как только кончилась обедня, и Ричард принес благодарственную молитву, она удалилась от него в темный угол.

Он прошел мимо нее к выходу, задев по дороге концом своего меча за край ее платья. Она не слышала его шагов — он ступал тихо, словно кошка, — но почувствовала прикосновение меча и вздрогнула.

Ричард понесся вскачь со двора.

Пока аббат Мило бормотал свои благодарственные молитвы, Жанна вышла из своего уголка, чтобы поговорить с ним. Он об этом и сам догадался, не нуждаясь во взгляде, которым она подозвала его из-под своего покрывала. Он сел у алтаря Сен-Реми[13], она опустилась на колени рядом с ним.

— Что? Ладно, дочь моя? — спросил Мило.

— Думаю, что ладно, — ответила она.

Аббат — старичок с красным лицом и слезящимися глазами, подверженный насморкам, — отверз свои уста и изрек разные умные речи, какие только знал. Он поднял указательный палец кверху, словно коготь, и принялся чертить им в воздухе какие-то таинственные знаки.

— Послушайте, что я вам скажу! — начал он. — Я вам скажу, что вы поступили хорошо, и всегда буду утверждать это. Этот великий принц, которого я люблю, как родного сына, не для вас, но и не для других. Нет, нет! Он уже женат.

Мило надеялся озадачить ее, но старый проповедник ошибся: Жанна была слишком удручена своим горем.

— Да, дочь моя! — повторил он. — Он действительно женат. Но на ком? Да на самом себе! С детства этот человек одинок душой и не может жениться в том смысле, как вы понимаете. Вы думаете, он вас любит? Верьте мне, что нет. Он любит самого себя: у него есть призвание, ему предначертана особая судьба... «Какая?» — спрашиваете вы...

Жанна не спрашивала ничего, но он считал, что по правилам риторики ему полагается спрашивать.

— Иерусалим, вот в чем его судьба! — ответил он сам себе. — Иерусалим, вот избранная им невеста, томящаяся в цепях! Он не женится ни на вас, ни на Элоизе французской, ни на какой другой девице во всем христианском мире, пока не свершится его духовный брак. Я не любил бы его так, если бы не верил в это. А почему? Разве назову я своего собственного сына отступником, потому что он отмечен Крестом Господним, потому что он заключил союз со Спасителем?

Мило откинулся назад на своем кресле, глядя на нее пытливо, чтобы

подметить, как она приняла его слова. Она приняла их спокойно и повернула к нему свое лицо, просветленное борьбой, и глаза, казавшиеся совсем черными.

— Что бы мне сделать, чтобы спасти себя?

В голосе ее слышалось утомление.

— Спаси себя? — удивился он. — Но, дитя мое, разве во Кресте не спасение?

— Но не от Ричарда, батюшка...

«Совершенно верно, хоть и стыдно в этом признаться», — подумал старик. Он вообще старался обходить такие вопросы, но теперь ему пришлось убедиться, что эта девушка их не боится. Верный своим правилам, он уклонился от ответа.

— Поезжай домой, к своему брату, дочь моя! Поезжай в Сен-Поль-ля-Марш. Помни: что бы ни случилось, в несчастье для женщины всегда есть две двери спасения — монастырь и супружеское ложе.

— Никогда не пойду я в монастырь! — воскликнула Жанна.

— Мне кажется, ты рассуждаешь вполне разумно, — заметил Мило.

Я предполагаю, что такой выбор показался Жанне страшным, ибо аббат вдруг приписал в своей книге:

«Казалось, бодрость духа вдруг оставила ее: она начала сильно дрожать, напрасно стараясь побороть слезы. Я ей на все открыл глаза в те несколько минут, когда она сидела у моих ног. Она была еще очень молода и, по-видимому, считала себя погибшей».

— Полно, полно! — проговорил он. — За последние два дня ты показала, что ты — хорошая, смелая девушка. Не каждая могла бы пожертвовать собой для графа Пуату, старшего сына короля. Довольно горевать, не будем думать об этом!

Без сомнения, он надеялся закалить ее такой грубостью, которая далеко не была его отличительной чертой. И возможно, что ему удалось вовремя подтянуть ее расхолодившиеся нервы. Взрыва отчаяния не было, но горькие слезы еще продолжали катиться.

— О, что мне делать, что мне делать? — проговорила жалобно Жанна.

«Бог свидетель, — пишет дальше аббат, — дело было плохо, но мне пришла в голову счастливая мысль».

Он заговорил о Ричарде, о том, что ему уже удалось совершить до сих пор и что ему еще оставалось сделать.

— Моя дорогая! Говорят, клеймо врага человеческого на всей его родне. Говорят, что Жоффруа Серый Плащ имел сношения с дьяволом. И что верно, то верно: у Ричарда, как и у всех его братьев, семя этой заразы еще живет в крови. В доказательство взгляни на изображение леопардов и рассуди: есть ли хоть один царствующий дом во всем христианском мире, который взял бы себе такой герб, не имея дела с дьяволом? Затем взгляни на поступки этих принцев. Что привело юного короля к мятежу и смерти, а Джеффри — к хищению и тоже к смерти? Что приведет и Джона Безземельного к измене и к смерти? Что доведет также нашего статного Ричарда до насилия и смерти? Ничто другое, да, ничто другое. Но прежде чем ему смерть придет, ты увидишь, что он еще прославится...

— Он уж и так прославился,— возразила Жанна, отирая слезы.

— Так и считай его славным! — раздраженно заметил аббат, не любивший, чтоб его прерывали.

— Но если я вернусь в Сен-Поль, я встречу там с Жилем де Герденом, а он поклялся, что я буду ему принадлежать.

— Ну, так что ж? — отозвался аббат.— Почему бы и нет? Твой брат согласен?

Жанна покачала головой:

— Нет, брат желал, чтоб я принадлежала господину моему, Ричарду. Но Жиль и не нуждается ни в чьем согласии: он может купить меня у короля Франции. Он весьма состоятельный человек.

— Есть у него капитал? Есть земля? Он, значит, дворянин?

— Он имеет рыцарское звание, владеет церковным леном... О, у него всего довольно!..

«Прости меня, Господи, если я прегрешил (пишет тут аббат), но видя, что она так очаровательна, кротка и так горюет, я поцеловал эту прелестную особу. И она вышла из часовни Сен-Реми несколько успокоенная».

Мало того, она в тот же день выехала из Темной Башни вместе с братом своим Евстахией и отправилась по направлению к Жизору и замку Сен-Поль. Что бы она ни делала, все у нее выходило как-то благородно: она всегда молчала и высоко держала голову. Тем не менее граф Сен-Поль, сидя грозно, словно разъяренный рыжий бык, засаженный в стойло, всячески старался укорить ее в бесстыдстве и тем самым смирить свою горечь. Евстахий, в то время еще пылкий юноша,

спас Жанну от ярости Эда, приняв на себя его гнев. Граф Сен-Поль принес великую клятву.

— Зубами Господа клянусь, Жанна! — заревел он.— Я вижу, в чем дело. Он погубил тебя и теперь отправился в другие места с той же целью.

— Никогда, господин мой, не смейте говорить так о моей сестре и о величайшем рыцаре на свете! — вскричал юноша, страшно вспыхнув.

— Ах ты, молокосос! — завопил граф.— Это тебя не касается. Сперва докажи мне свою правду, а потом и укоряй меня в неправде. Подобаает ли, чтоб анжусец тешился моим домом, словно игрушкой? Неужели дозволить этому долговязому детищу черта и морских разбойников пакостить наши пастбища, попирать их ногами, чернить все и ломать, кричать вволю, ломать заборы — и безнаказанно давать тягу?.. Клянусь душой отца, я распорядюсь, чтоб Жанне была оказана справедливость!

Он повернулся к сестре. Та сидела молча.

— Ты говоришь, что сама послала его прочь? Куда же ты его послала? Куда он поехал?

— Он поехал к королю Англии, в Лювье и в лагерь,— ответила Жанна.— Не я его послала: за ним прислал король.

— А кто там еще, кроме короля?

— Мадам Элоиза французская.

Граф Сен-Поль прищелкнул языком.

— О! — воскликнул он.— Ого! Вот оно как? Так, значит, ей полагается куковать?

Широко рассевшись, он с минуту глубоко задумался, двигая челюстями, как человек, жующий солому, потом хлопнул своей ручищей по коленке и вскочил.

— Не я буду, если не разорю это гнездо пороков! Клянусь душой, это — чистый заговор! О, мерзкий вор!.. Ну,— обернулся граф к брату, — что ж ты теперь скажешь, Евстахий, своему величайшему рыцарю на свете? А что делать с твоей сестрицей? А?.. Ах ты, дурачок! Понимаешь ли, наконец, в чем дело? Два года, два медовых года услаждал он себя с Жанной Сен-Поль, обменивался из уст в уста пустыми клятвами, украдкой ловил ее пальчики и целовал, и обнимал... А таинство брака, договоры и выкуп невесты — все это он приберег для дочери французского короля... Псс! В какое ничтожество ее превратили!.. О,

небо и земля! Отвечай мне, Евстахий, если можешь!

Все трое волновались, каждый по-своему: граф краснел и моргал; Евстахий краснел и дрожал; Жанна сидела белая, как скатерть, и тоже дрожала, но молча. Слово оставалось за юношей.

— Даю вам слово, я ничего про все это не знаю, господин мой! — смущенно вымолвил он.— Я люблю графа Ричарда, люблю свою сестру. Может быть, и было что-нибудь такое, за что я осудил бы одного из них, если бы любил только другого. Право, не знаю, но...— Он взглянул на бледное, словно застывшее лицо Жанны и высоко поднял руку.— Клянусь спасением души, я никогда этому не поверю! Любя, они сошлись, господин мой; любя, говорит Жанна, расстались. Я мало слышал о мадам Элоизе, но думается мне, что королям и их наследникам полагается жениться на дочерях королей, даже не по любви.

Граф вскипел:

— Ты дурак, как я вижу, а потому никуда для меня не годишься! Я должен говорить с мужчинами, оставайся здесь, Евстахий, и сторожи сестру, покуда я вернусь. Никого к ней не подпускай: ты за нее отвечаешь головой! Есть тут такие молодцы — подлецы, подлизы, сплетники... Не подпускай их, держи их поодаль, да, поодаль! Что же касается вас, сударыня,— горячо и надменно проговорил он, обращаясь к гордой девушке,— что касается вас, сидите дома. Вы на рынок не годитесь: вы — испорченный товар. Вы отправитесь туда, где вам быть подобает. Я еще хозяин у себя и неповиновения здесь не допущу! Повторяю: сидите дома! Я вернусь через несколько дней.

Он вышел из комнаты, стуча ножищами. Вслед за тем послышалось, как он распределял сторожей у ворот.

Сен-Поль был, без сомнения, большой и знаменитый замок. Его графы не доискивались начала своей родословной, а сами соорудили себе прекрасный храм в этом смысле, с двенадцатым апостолом^[14] во главе. У них были плодоносные, сомкнутые земли, которые плотно втискивались между границами Нормандии и Франции, имевшей над ними феодальные права. Благодаря им графы Сен-Поль могли бы считаться такими же владетельными особами, как члены домов Блуаского, Аквитанского, даже Анжуйского, которые из ничего вознеслись так высоко.

Мало того: посредством брачных союзов и таких грабежей, что их

называют уже войнами, а также в силу договоров и денежных оборотов, они так поднялись, что не было причин, почему бы им не породниться с королевским домом. Да и теперь они были недалеко от этого. Они называли «кузеном», «братцем» маркиза де Монферрата, а он, говорили, имел намерение взойти на иерусалимский престол. Сам император мог называть, да и называл уже (однажды, под хмельком) графа Эда де Сен-Поль кузеном: это — быль! Не надо забывать, что в Галлии того времени дела были в таком шатком положении, что каждый, как говорилось тогда, стоил только то, чего стоил его меч. Вчера еще бродяга, завтра — воитель; вчера с веревкой на шее, сегодня — в графской перевязи, а завтра, может быть, в королевской короне.

Взобраться повыше можно было разными путями — посредством бранного поля, сытного стола, брачного ложа. В то время красивая дочка стоила почти столько же, сколько дюжий сынок. Граф Эд считал себя достаточно дюжим, а также и Евстахия. Красавица же Жанна, эта статная девушка, величавая, как изваяние, как безмолвное чудо золота и слоновой кости, обещала обильную жатву, которой он, как владелец, намеревался воспользоваться: и вот уж целых два года, как он изо дня в день зарился на эту добычу! Страсть девушки к тому или иному мужчине была для него трын-трава. Но страсть к ней знаменитого герцога Пуату разжигала сердце графа Сен-Поля. По воле Божьей, по молитвам святому Маклу еще, может, доведется ему величать свою сестру «госпожа королева»!

На всякие слухи он был глух: были и такие, что называли Ричарда негодяем, и такие, что величали его, вместе с Бертраном де Борном, Ричардом Да и Нет, и эта кличка была всем известна в Париже. Граф Сен-Поль закрывал глаза на оскорбительное невнимание Ричарда к нему самому и к его достоинству. Достоинство графа Сен-Поля?! Оно еще может обождать. Граф и не думал ни о дурной славе Жанны, ни об угрозах своего страшного нормандского соседа, старого короля Генриха, который оглоушил одного архиепископа, как быка; он даже дерзал идти против гнева своего сюзерена, короля Франции, в руках которого была судьба брака Жанны. Эд, как игрок, очертя голову, поставил всю судьбу своего дома на одну карту — на привязанность девушки к дикому принцу. И вдруг сознаться, что он заслужил только одно — пищу для своей мести!.. И граф без конца клялся зубами Господа, что поставит на своем. Он двинулся из своего замка Сен-Поль-

ля-Марш прямо в Париж.

В то время, при императоре Генрихе[15], главой его дома был маркиз Конрад Монферратский, который хлопотал об иерусалимской короне. Надо устроить совещание прежде, чем дело дойдет до падения дома Сен-Поля. Уж маркиз-то никогда не допустит этого! Он должен затормозить колеса. Разве, например, Элоиза французская не в родстве с английским домом? Ведь она — сестра французского короля? Ладно. А что такое мать Ричарда? Вдова Людовика, то есть отца Элоизы. Ну, благопристойно ли это? Что скажет на это папа, итальянец? Недаром ведь маркиз Конрад — тоже итальянской крови? Разве «наш кузен» император, король Римский, также не идет в счет? Папа и маркиз — итальянцы, император на своем престоле и Господь Бог на небе! Эге-ге! Вот и произойдет совещание этих повелителей! Так-то, с целым вихрем вопросов и ответов в голове, скакал граф Сен-Поль в Париж.

А Жанна тем временем оставалась в замке Сен-Поль-ля-Марш. Она много молилась, мало выходила из дома, виделась с немногими. Затем явился (слухом земля полнится!) сэръ Жиль де Герден, как заранее знала Жанна. Он опустился перед ней на одно колено и поцеловал ей руку.

Жиль был коренастый широкоплечий молодой человек племени черноволосых нормандцев, румяный, с большими челюстями и маленькими глазами, с низким лбом и шарообразной головой. Он был ростом не меньше Жанны, но казался ниже и был ненаходчив в разговоре. Он полюбил ее еще тогда, когда она была двенадцатилетним подростком, а он состоял сквайром при ее отце, чтобы научиться мужским доблестям. Король английский посвятил его в рыцари, но она, Жанна, сделала его мужчиной. Она знала, что он скучен, как стоячее болото, но что это был человек добрый, честный, здоровый и довольно состоятельный. Как только Жанна увидела его, она тотчас же поняла, что это — однолюб, который будет всегда хорошо обращаться с ней.

«Помоги мне, Господи, и ему тоже! — подумала она.— Возможно, что он скоро понадобится мне».

Глава III

В КАКОЙ ТИХОЙ ПРИСТАНИ НАШЛИ ПРЕСТАРЕЛОГО ЛЬВА

В Эврэ, по ту сторону кустарников, граф Ричард нашел всех своих товарищей — виконта Адемара Лиможского (его еще звали тогда Добрым Виконтом), графа Перигорского, сэра Гастона Беарнского (который действительно его любил), епископа Кастрского, монаха Монтобанского (птицу певчую); наконец, несколько дюжих рыцарей с их сквайрами, пажами и оруженосцами. Он два дня поджидал там аббата Мило с последними вестями о Жанне; затем во главе отряда в шестьдесят пик проворно направился через болота к городу Лювье.

После своего первого приветствия: «Добро пожаловать, мои лорды!» — он говорил весьма мало и был холоден, а после своей беседы с Мило, поутру, еще в постели, и совсем перестал говорить. Один, как и подобало члену его дома, ехал он во главе своих воинов. Даже монах-щебетун, который помнил его брата, Генриха, и часто вздыхал по нем, и тот боялся взгляда его грозных очей: как синие камешки сверкали они, преисполненные холодного блеска. В такие минуты, как эта, когда человек стоит лицом к лицу с предстоящей задачей, люди уверяли, будто видели, как ведьма сидит за спиной анжуйца.

Едва ли было время в короткой жизни Ричарда, когда он не был открытым врагом своего отца, но теперь он об этом не думал. Он мог бы сказать, что не всегда был в этом виноват, но никогда не говорил. А я могу заявить, что расточительность этого тридцатилетнего принца была ничто в сравнении с тем, как рассорил свое наследство старший родич. В припадках ярости Ричард все это сознавал и находил себе оправдание; но проходил порыв — и, смягчившись, граф начинал взваливать на себя всевозможные обвинения, уверяя себя, что за то-то и то-то он мог бы полюбить этого закоснелого в жестокости старика, который, наверно, не любил его.

Ричард не был ни ослом, ни клячей: он поддавался убеждениям и с двух сторон. Первое, это — раскаяние: оно могло растрогать его до глубины души и заставить упасть на колени со слезами. Второе — привязанность: если проситель был люб ему, он тотчас сдавался. На этот раз не совесть погнала его в Лювье, а любовь к Жанне. Сначала, когда Жанна защищала перед ним святой Гроб, старика-отца, сыновнее повиновение, Ричард только смеялся над доброй дуручкой; но теперь, когда она уже успела поумнеть и умоляла его сделать ей удовольствие — растоптать ее собственное сердце, которое она сама же отдала ему, он не мог ей отказать. Он был побежден, но не убежден.

Ричард ехал один, на триста ярдов впереди своих вассалов, погруженный в размышления о том, как бы ему, уступая, соблюсти честь. Чем больше он думал, тем было ему неприятнее; но он видел ясно всю необходимость, которая приступала к нему, как с ножом к горлу. И, как всегда случалось с ним, погружаясь в свои думы, он принимал вид каменного изваяния. «Что ни говори,— пишет аббат Мило,— а у каждого члена Анжуйского дома была своя неприступная сторона: до такой степени свыклись эти люди с жизнью крепостей!»

С широкой равнины, орошенной множеством рек, видны были башни города Лювье, из которых главные опоясывали целый сонм красных крыш. У самых стен стояли рядами белые палатки, клубились столбы дыма, виднелись повозки, люди, лошади; и все-то это было такое маленькое, беспорядочное, суетливое, как рой пчел. Посреди этого военного сборища находился красный павильон, а сбоку — штандарт, слишком тяжелый для того, чтоб развеяться по ветру. Все купалось в чистом, хотя и бессолнечном воздухе осеннего нормандского дня. Время было близко к полудню. Ричард выскакал на пригорок впереди своих спутников.

— Мои лорды! Вот английская сила! — говорил он, указывая рукой.

Все остановились рядом с ним. Гастон Беарнец пощипывал свою черную бородку.

— Покончим счеты,— проговорил этот рыцарь,— прежде, чем меч будет вынут из ножен!

— Что? — вскричал граф.— Неужели отец прикончит собственного сына?

Никто не возразил: и Ричард вдруг сам устыдился своих слов.

— Бог свидетель! — проговорил он.— Я не замышлял никакого

нечестия: как можно благороднее исполню предпринятое мной. Идемте, джентльмены!

Ричард двинулся вперед.

Королевский лагерь был защищен рвом и мостом. У барбакана[16] все аквитанцы, кроме Ричарда, спешили и стали вокруг него, в то время как глашатай отправился возвестить королю, кто прибыл.

Король прекрасно знал, кто к нему пожаловал, но предпочел не знать. Он так долго держал у себя глашатая, что приезжие вполне могли разозлиться, затем послал сказать графу Пуату, что его можно принять, но только одного. Пользуясь своим правом быть на коне, Ричард поехал один, вслед за глашатаями, но шагом. Дорогой никто не приветствовал его. Приблизившись к штандарту, граф спешил, увидел привратников у входа и бросился в палатку, которую перед ним распахнули, словно лесной зверь, завидевший добычу. Там он вдруг окаменел и резко грохнулся на оба колена. Посреди большой палатки сидел старый король, его отец, коренастый, взъерошенный, с работающими челюстями и беспокойными пылающими глазками. Руки его лежали на коленях, а в них торчал длинный меч наголо. Подле него стоял его сын, румяный и тоненький Джон, а дальше делали круг его пэры — два епископа в пурпурных мантиях, рябой монах из Клюни[17], Боген, Гранмениль, Драго де Мерлю и еще несколько человек. На полу помещался секретарь, покусывая свое перо.

Король выигрывал, когда восседал на троне: верхняя половина туловища была у него лучше, более походила на мужчину. Его рыжие редкие волосы распались в беспорядке; на лоснящемся красном лице выступали шрамы и прыщи; кривые челюсти, толстая шея, широкие плечи делали его похожим на быка. Узловатые, грубые руки, длинные, превыше всякой меры, губы с выражением жестокости, нос как клюв у хищной птицы,— все было словно вырублено из дерева грубой рукой и так же топорно размалевано. А если что и оставалось тут человеческого, то искажалось глазами, в которых кипела горечь страдания, как у падшего ангела: анжуйский бес пожирал глазами короля Генриха на виду у всех. Это придавало старику сходство с диким вепрем, который острит свой клык об деревья, довольный тем, что он отвратителен, великолепный тем, что так силен и одинок.

Впереди не было ничего утешительного. Как ни мало знал Ричард своего отца, в этом он не мог ошибиться. Старый король был на втором

взводе: его снедала ярость. Его злило то, что сын сейчас преклонил колени, а еще более то, что он не сделал этого раньше.

Представление началось с шутовства. Король прикинулся, что не видит сына, а тот продолжал стоять на коленях, как кол. Король говорил с принцем Джоном с неприличной разнузданностью и с каждым словом выпаливая свою злость: даже смущались его епископы, краснели его бароны. Старик бесконечно унижал себя, но, казалось, утопал в наслаждении своим позором. У Ричарда подступило к горлу, и послышался его нежный голос.

— О Боже! Что это прорвало Тебя создать такую свинью? — пробормотал он тихо, но так, что двое-трое близстоявших расслышали. Слышал их и сам король — и был доволен; слышал и принц, заметивший со страхом, что не ускользнули они от слуха Богена. Король продолжал скрипеть свое, Джон гомозился на месте, а Боген — величайшая смелость! — нашептывал что-то королю на ухо.

Король ответил ему гоготаньем, которое можно было слышать по всему лагерю:

— Га, клянусь Святым Ликом! Пусть-ка постоит на коленках, Боген! Это для него новая привычка, но полезная для человека его ремесла. Все воины приходят к этому рано или поздно... Да, рано или поздно, клянусь Богом!

Тут Ричард нарочно встал на ноги и пошел к трону. Его высокий рост как бы добавлял отвращение, вызываемое Генрихом. Король вскинул на него глазами и оскалил свои клыки.

— Ну, что еще, сэр? — спросил он сына.

— Довольно с меня, сэр, если вообще солдату подобает стоять на коленях,— отозвался Ричард.

Король сдержался, проглотив слюну.

— А все-таки, Ричард,— сухо, как пыль, разлетелись его слова,— все-таки вы скоренько преклонили колени перед мальчишкой-французом.

— Перед моим сюзереном? Да, это правда, сэр.

— Он тебе не сюзерен! — заревел старик.— Я твой сюзерен, клянусь небесами! Я тебе дал, я же могу взять обратно. Берегись меня!

— Светлейший государь мой! — произнес Ричард.— Заметьте, ведь я преклонил перед вами колени. Если я сюда явился, то единственно с этой целью; и уж никак не для того, чтобы вступать в словесную

борьбу. Я прибыл из своих владений, и не один, а со всей своей дружиной, чтобы оказать вам повиновение. Будьте уверены, что и они, со своей стороны, отдадут вам должную честь, как я, если вы им позволите.

— Ты пришел из земли, которую я тебе дал. Вот также приходили Генрих и Джеффри, чтобы грозить мне,— промолвил старик, весь дрожа в своем кресле.— Что мне твоя покорность, когда я испытал ихнюю! Покорность Генриха, покорность Джеффри!.. Псс!.. Что у тебя за слова, человек!

Он встал и зашагал, топая по всей палатке, словно взбешенный карлик — кривоногий, длиннорукий, как бы ужаливаемый по всему телу до бешенства.

— И ты говоришь мне про своих людей, про свои владения, про свою дружину! Да, все хорошие люди, отличная дружина, клянусь распятием! Скажи-ка мне, Ричард, нет ли у тебя в этой дружине Раймонда тулузского? Нет ли Безье?

— Нет, государь,— ответил Ричард, глядя спокойным взором на искаженное лицо отца.

— Да и никогда не будет! — проворчал король.— А рыцарь Беарнец с вами?

— Да, государь.

— Плохая компания, Ричард! У этого животного белое лицо, лживый язык и самая, что ни на есть, козлиная борода. А с тобой твой монах-певун?

— Да, государь.

— Постыдная компания, Ричард! Ну а Адемар Лиможец с тобой?

— Да, государь.

— Глупая компания! Оставил бы его сидеть со своим бабьем. А твой аббат Мило с тобой?

— Да, государь.

— Нездоровая компания!

Вдруг, как бы сразу утомившись даже браниться, поник Генрих головой и вынужден был снова сесть. Ричард почувствовал прилив жалости. Глядя сверху вниз на съежившегося старика, он протянул к нему руку, говоря:

— Не будем ссориться, отец.

Но эти слова, как боевой клич, заставили старика вдруг воспрянуть.

— Еще последний вопрос, Ричард. Посмел ли ты привезти с собой сюда Бертрана де Борна?

Он опять вскочил, чтобы выбраться: и оба глядели друг на друга в упор. Каждый знал отлично, как важен был вопрос.

Это отрезвило графа, но изгнало жалость из его души.

— *Посмел* — выражение, непригодное для анжуйца, государь мой! — возразил он, тщательно взвешивая свои слова.— Но Бертрана нет со мной.

Прежде чем старик успел снова поддаться своему дикому буйству, Ричард свернул разговор на свою главную цель:

— Государь! Чем короче речь, тем лучше. Вы стараетесь вызвать во мне злость, но вам это не удастся. Я к вам явился как покорный сын и слуга вашей милости: таким и выйду отсюда. Как сын, я преклонил колени перед отцом-королем; как слуга, я готов ему повиноваться. Пусть же свершится брачный союз, который вы с королем Франции прочили мне с колыбели. Я готов сыграть свою роль, если мадам Элоиза сыграет свою.

Ричард сложил руки, король опять сел в кресло. При имени дочери короля французского отец и брат Ричарда обменялись странными взглядами: граф почувствовал, что между ними есть какая-то тайна и что он попал в ловушку. Но он промолчал. Старый король снова принялся пилить.

— Слушай же меня, Ричард! — сказал он, грозно заработав бровями. — Если бы это проклятое животное, Бертран, был с тобой, наш разговор был бы последним. Это — зубастая гадюка, заползшая в колыбель к моему ребенку и влившая в него яд. Господи Иисусе! Если я встречу когда-нибудь этого Бертрана, помоги мне раскровянить ему рожу!.. Но я доволен и тем, что есть. Гостите у меня, если только столь грубое пристанище может удовлетворить ваше благородие. Что касается мадам Элоизы, за ней тотчас же пошлют. Но вашего стада южных шутов я не приму. Все эти дни у меня был преважный желудок, боюсь, как бы лангедокское пирожное не набило мне оскомины. Я вообще недолюбливаю монахов; а твой монтобанский певчий дрозд довел бы меня до богохульства. Позаботься, Драго, чтобы с ним занялись. Или нет! Пусть они сами забавляются... своими песнями, господи помилуй! А вы,— обернулся он к Богену,— ступайте, приведите мадам Элоизу!

Боген вышел за занавес позади короля, а старик остался сидеть в

задумчивости, кусая свои пальцы.

Изнутри палатки прокралась мадам Элоиза французская — худенькая девушка с бледным, печальным личиком, окутанным черными волосами, как у шутов на сцене. Судя по тому, как она оглядывалась на всех поочередно своим неподвижным взглядом, Ричард подумал, что она, верно, не в своем уме, но все-таки он тотчас встал перед ней на одно колено. Принц Джон резко отвернулся, а старый король насупился, наблюдая, что будет делать Ричард. Принцесса, вся в черном, казавшаяся в полуобморке, неуклюже прижалась к стене, словно стараясь увернуться от удара кнута. «Зажилась ты в Англии, бедняжка! — подумал Ричард.— Но почему она вышла из палатки короля?»

Невеселая то была встреча, а король не выказывал желания как-нибудь помочь беде. Когда мадам Элоиза, крадучись и кружа по палатке, остановилась наконец у его кресла с поникшей головой, он начал говорить с ней по-английски: Ричард заметил, что отец и брат знали этот язык, незнакомый ему. «Его милости, кажется, угодно смеяться надо мной,— говорил сам себе Ричард.— Что за мертвечина эти угрюмые слова! По-английски, кажется, люди не говорят, а стучат языком».

И в самом деле, настоящего разговора не было: король или принц говорили, а Элоиза лишь смачивала себе губы языком. Она только смотрела на старого тирана, и то не в глаза, а выше, в лоб; и ее взгляд напоминал дрожащего, загнанного зайца.

«Она у него в руках, и душой, и телом»,— подумал Ричард.

Колено у него стало болеть, и он поднялся.

— Светлейший государь! — начал он на своем языке.

Элоиза вздрогнула. Король сказал:

— А, Ричард! Ты еще здесь, человек?

— А где же еще, мой повелитель? — переспросил сын.

Отец посмотрел на Элоизу.

— Соболаговолите, мадам, признать в этом бароне сына моего, графа Пуату,— сказал он.— Да будет ему дозволено, мадам, приветствовать ту, к которой он стремился из такой дали, с таким смирением, черт возьми! Вашу белую ручку, Элоиза!

Странная девушка затрепетала, но все-таки протянула свою руку. Ричард, целуя ее, почувствовал, что она ужасно холодна.

— Надеюсь, сударыня, мы познакомимся друг с другом получше, но я должен вас предупредить, что не владею английским языком. Позвольте надеяться, что в нашем милом краю вы вспомните свой французский язык.

От дамы Ричард так и не получил ответа, зато он, ей-богу, разозлил отца.

— А мы надеемся, Ричард, что вы научите мадам чему-нибудь получше,— просопел старик свой вызов на бой.

— Молю Бога, чтобы мне не пришлось учить ее чему-нибудь худшему, господин мой! — возразил сын.— Вы согласитесь, может быть, что для дочери Франции ее родной язык может пригодиться.

— Как и английский, граф, для сына Англии! — вскричал отец.— Или для его жены, клянусь обедней, если только он достоин иметь жену!

— Об этом, сэр, нам следовало бы побеседовать, когда у вашей милости будет досуг,— медленно проговорил Ричард.

«Иисусе Христе! — подумал он.— Он хочет, кажется, приковать меня к ледяной глыбе? Что с ней такое?»

Король прервал его думы тем, что отпустил мадам Элоизу, отослал всех присутствующих и удалился сам. Он страшно устал, весь побелел и задышался.

Ричард видел, что отец пошел, вслед за принцессой, в глубину палатки, за занавес: и снова подозрения обеспокоили его.

Когда за ними вслед хотел было скользнуть и Джон, граф решил, что надо положить этому конец. Он хлопнул юношу по плечу и сказал:

— Брат, на пару слов!

Джон, подскакивая, вернулся назад. Они остались в палатке вдвоем.

Этот Джон, *Безземельный*, как называли его на разных языках[18], был слабым снимком со своего брата. Кривошей, сухой, как тростник, и с сапунцом, он был ростом меньше, тощее, с синими, но более светлыми глазами, которые притом выпучивались, тогда как у Ричарда они сидели глубоко. Словом, разница была не столько в самих чертах, сколько в их размерах. Ричард был богатырского, но красивого, ловкого сложения; у Джона руки были чересчур длинны, голова чересчур мала, лоб чересчур узок. У Ричарда глаза были расположены, пожалуй, слишком далеко один от другого; у Джона — положительно слишком близко. Волнуясь, Ричард ломал себе пальцы, Джон кусал губы. Ричард,

нагибаясь, наклонял только голову, Джон — голову и плечи. Когда Ричард откидывал голову назад, перед вами был лев; Джон, когда трусил, напоминал загнанного волка. В такие минуты Джон ворчал, Ричард тяжело дышал, раздувая ноздри. Джон скалил зубы, когда злился, Ричард — когда был весел... Можно было насчитать еще тысячу различий между ними и все таких же мелких. Но, Бог свидетель, и названных довольно.

Свойства кошко-собачьей природы анжуйцев были отлично распределены между братьями. У Ричарда было самодовольство кошки, у Джона — подчиненность собаки, у Джона — скрытность кошки, у Ричарда — запальчивость собаки. В душе Джон был вор.

Он ненавидел и боялся брата. Оттого, когда тот сказал: «Брат, на пару слов!» — Джон попытался скрыть свой страх под личиной отвращения, и получилась кислая улыбка.

— Охотно, милый братец, тем более что...

Ричард оборвал его прямым вопросом:

— Что такое приключилось с этой дамой?

Джон был приготовлен к этому вопросу. Он только поднял брови и сказал, разводя руками:

— Ты еще спрашиваешь? Ах господи! Волнение... Чужая в чужой стране... Припадок лихорадки... Уж эти женщины! Кто их разберет? Так давно из Франции... Страх за брата своего, страх за тебя... Мало ли еще чего! Глупенькая она... Ах, братец, братец!

Ричард круто оборвал его:

— Ставь точку, точку! Ты затягиваешь меня в болтовню! Твои объяснения не объяснят ничего. Еще слово. На кой черт она здесь?

Ричард избрал прямой путь. Джон запнулся:

— У нее здесь... второй отец... любящий опекун...

— Пой! — произнес только Ричард и повернулся к выходу, а Джон проскользнул за занавес. И в ту же минуту Ричард услышал там слабое тоскливое всхлипывание, только не рыдания смертной дамы.

«Что, господи прости, творится тут, в этой семейке?» — спросил себя Ричард, пожимая плечами, и вышел на свежий воздух.

Аббат замечает, что его господин и повелитель прибежал к нему и «навалился на меня, словно влюбленный после долгой разлуки со своей милой. „Мило, Мило, Мило! — воскликнул он три раза подряд, как будто мое имя могло оказать ему поддержку.— Поживи и увидишь

деревяшку на престоле Англии!» — так он и сказал престранно».

Глава IV

КАК ЖАННА ПРИГЛАДИЛА ТО, ЧТО ВЗЪЕРОШИЛА ЭЛОИЗА

Когда граф Сен-Поль явился в Париж, он прежде всего нашел, что цель его поездки — вещь щекотливая: и правда, трудненько совещаться в столице короля с союзниками короля о том, как бы вернее помешать этому же королю. Как и следовало ожидать, оказалось, что он может сделать немного или вовсе ничего в этом направлении. Король Филипп французский был занят приготовлением к пышной встрече своей сестры Элоизы: герольды уже готовились ехать за ней. Николай д'Э и барон де Креси должны были их сопровождать. Король Филипп думал, что Сен-Поль как раз пригодится ему в качестве третьего посла, но тому это было вовсе не под стать.

Граф отправился к своему родственнику, маркизу Монферрату, тяжелому на подъем итальянцу, который сказал ему мало утешительного. Маркиз только посоветовал своему «доброму кузену» лучше помочь ему самому взойти на иерусалимский престол.

— Разве мало с вас одного короля на всю семью? — спросил он.

Сен-Поль язвительно ответил, что вполне довольно, но что Анжу гораздо ближе Иерусалима... Сверх того, он намекнул, что ходят в изобилии разные странные слухи насчет истории с мадам Элоизой.

— Если вам, Эд, нужна требуха,— сказал на это Монферрат,— не обращайтесь ко мне. Но я знаю такую крысу, которая может вам оказать услугу.

— Как ее звать, вашу крысу? Больше мне ничего от вас не надо.

— Кто ж, как не Бертран де Борн? — ответил Монферрат.

Этот Бертран де Борн был все равно что терние, засевшее в теле анжуйцев, ядовитый придаток к их хозяйству, без которого они никак не могли обойтись. Сен-Поль знал прекрасно ему цену: он решил, что надо отправиться к нему лично в его землю. И он, конечно, поехал бы, но его

государь судил иначе. Сен-Поль получил приказание сопровождать в Лювье герольдов, и ему пришлось ограничиться отправкой посла к трубадуру с письмом, в котором говорилось, какое счастье привалило великому графу Пуату. Он знал, что это заставит Бертрана высунуть жало.

Не очень-то скоро прибыли французы в Лювье, зато тотчас же началась потеха. Сводить пуатуйца с нормандцем или анжуйца с анжуйцем — все равно, что смешивать лед с огнем. Вельможи выступали петухами, пряча под бархатом свои когти; рыцари ссорились напропалую; оруженосцы следовали их примеру. Были даже открытые схватки. Так, например, Гастон Беарнец поссорился с Джоном Боттором, и они дрались на ножах во рву. Затем сам граф Ричард взял себе одного из ястребов брата и не хотел его отдать. Из-за этой долговязой птицы с десятков благородий бились на мечах, сам граф Пуату отвечал за шестерых и кончил тем, что до крови избил своего брата рукояткой меча.

Так продолжалось целую неделю или больше, а в это время старый король, как сумасшедший, рыскал на охоте целые дни и предавался постыдным порокам ночи напролет. Ричард редко видел его и французскую даму. Словно бледный призрак, печально появлялась она на зов короля и так же печально исчезала по первому его знаку. Когда бы она ни появлялась, подле нее непременно вертелся и принц Джон с тревогой на лице; затем слышался голос рябого клюнийца, который поучал принцессу насчет богословия и спасения души скучнейшими речами без ответов. Все это было далеко не весело. Что же касается Элоизы, Ричард был убежден, что она — уныло-полоумная, и он сам становился тоскливым, раздражительным, сварливым. Оттого-то он сначала обобрал, а потом исколотил своего брата.

После того принц Джон скрылся на время, нянчась со своими синяками, и Ричард мог настолько приблизиться к мадам Элоизе, чтобы говорить с ней. Она даже сама позвала его к себе как-то поздно ночью, когда — как ему было известно — король где-то кутил вне дома, приправляя свои обыденные утехи ужинами в разных притонах разврата.

Пожав плечами, Ричард повиновался и пошел на зов. Его приняли со смущением. Дама, рассеянная как всегда, сидела в кресле, съездившись. Рядом стоял клюниец, это воплощение смертельной скуки. Одна или две

женщины попятнулись в испуге за королевский трон. Сама Элоиза, как только увидела, кто такой ее посетитель, принялась дрожать.

— О-о! — прошептала она.— Вы пришли меня убить, мой повелитель?

— Помилуйте, мадам! — поспешил сказать Ричард.— Да я готов служить вам совсем иначе, и я предполагал, что имею на это право. Ведь я пришел сюда по вашему приглашению.

Она провела по лицу рукой раз-другой, как бы сгоняя с него паутину. Одна из женщин жалобно, с мольбой взглянула на Ричарда, но тот не обратил внимания. Монах что-то пробормотал себе под нос, затем сказал графу вслух:

— Вы видите, господин мой, мадам чересчур утомлена.

«Еще бы, негодяй! Это — твоих рук дело»,— подумал граф.

— Надеюсь,— перебил он вслух,— ее милость дозволит вам удалиться, сэр.

В ответ на это мадам махнула своим приближенным рукой, чтобы они удалились, и продолжала махать еще долго после того, как они все вышли. Так она осталась наедине со своим будущим повелителем. На ее испитом личике были еще следы дивной красоты — красоты сочетания черного с белым; но вид у нее был такой, как будто она дружила с привидениями. Ричард был с ней очень любезен. Он подошел поближе и сказал:

— Мне больно видеть вас, мадам, в таком состоянии...

Она перебила его вопросом:

— Они хотят, чтобы вы на мне женились?

Он улыбнулся.

— Наши повелители желают этого, мадам.

— Вы уверены в этом?

— Я только потому сюда и явился, что твердо уверен.

— И вы желаете...

— Я желаю,— поспешно, отрывисто перебил он ее,— только двух вещей — блага моему государству и вам! Если я еще желаю чего-либо, так это — Бог мне свидетель! — единственно сдержать свое обещание.

— Какое обещание?

— Вы видите, мадам: я ношу знак Креста Господня на плече.

— Ну, это — дело рук Господних! — промолвила она, со страхом глядя на крест.

Она принялась поспешно ходить по комнате, разговаривая сама с собой. Ричард не мог хорошенько разобрать, что она говорила: толковала она и про веру и про время:

— Надо бы сейчас же это сделать, сейчас! О, внимли мне, Пастырь Израиля!

Потом, дико взглянув Ричарду в лицо, Элоиза прибавила:

— Странное, не женское дело! Нельзя возлагать на меня такого дела...

Потом, ломая руки и не сводя глаз с Ричарда, она принялась кричать:

— Фу, яд, яд, яд!..

«Бедная женщина,— подумал он.— Она ведь одержима бесом: стало быть, не жена мне. Во мне и без того много бесовского!»

Затем он проговорил вслух:

— Что мучает вас, мадам? Скажите мне, в чем ваше горе, и, клянусь жизнью, я вам помогу, как сумею.

— Нет, вы не можете пособить мне... Никто не поможет!

— В таком случае, с вашего позволения...— он подошел к выходу, — я позову слуг вашей милости. Обсуждать это дело мы можем и потом: времени у нас достаточно.

Элоиза остановила бы его, если бы у нее хватило смелости или силы. Но она буквально истощилась: едва успели войти к ней ее женщины, как она свалилась. Смущенный Ричард решил выпытать у отца всю правду во что бы то ни стало, на другой же день. Он так и сделал, и, к его величайшему изумлению, король принялся говорить с ним рассудительно, вместо того, чтобы браниться. Он сказал, что мадам Элоиза — девушка слабая, болезненная и, по его мнению, ей нужно только то, что и всем молодым женщинам — мужа. Она слишком предана монастырю; ей являются видения, она подавлена строгостью правил, ничего не ест и реже стоит на ногах, чем на коленях.

— Впрочем, сын мой, все это ты можешь по-своему исправить,— заметил король Генрих.— Все эти капризы, припадки скуки, тоска, мечты. Пуф! Ты можешь рассеять их одним поцелуем. Еще не пробовал, нет? Что? Слишком холодна? Но тебе следовало бы...

И пошел, и пошел...

В тот же день, уже поздненько, прибыли французские послы, в их числе Ричард увидел графа Сен-Поля.

Никогда не нравился ему этот граф, вернее сказать, он просто не